

Ю. А. Мизис

Побеги военнопленных из тамбовских лагерей в годы Второй мировой войны. 1942–1946 гг.¹

Побеги из советских лагерей военнопленных не были редким явлением и происходили почти в каждом лагере на территории СССР не только в годы Второй мировой войны, но и после ее окончания. Причины побегов, как и общая обстановка в лагерях, различались в разных регионах страны и требуют как общего, так и конкретного рассмотрения и анализа. По данным общей статистики за 1943–1948 гг., из лагерей военнопленных в СССР было зафиксировано 11 403 беглеца, из которых 10 761 беглец был задержан, 292 убиты и 350 сумели избежать ареста². Скорее всего, это далеко не полная статистика, так как в нее не входит число пресеченных попыток побега. Обращение к этой проблеме раскрывает еще одну черту пребывания военнопленных немецкой и союзных армий в СССР.

Поведение военнопленного в плену регулировалось статьей 8 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1907 г.) и Женевской конвенцией об обращении с военнопленными (1929 г.), статьи 47, 48, 50 и 51. По этим документам военнопленные должны подчиняться законам и распоряжениям, действующим в армии того государства, в плену которого они находятся. Лица, совершившие побег из плена и будучи задержанными, подлежали только дисциплинарному взысканию. За побег пленные могли быть

Мизис Юрий Александрович,
доктор исторических наук, профессор,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

подвергнуты особому надзору, но рецидивы к побегу не могли рассматриваться как отягощающие вину обстоятельства. Предусматривалось дисциплинарное наказание для лиц, способствовавших побегу военнопленных. Все эти положения были лишь декларациями о намерениях, и во Вторую мировую войну воюющие стороны часто нарушали их.

Вопрос о побегах военнопленных из лагерей в период Второй мировой и Великой Отечественной войны поднимался как российскими, так и зарубежными исследователями³. Однако во многих трудах, посвященных узникам Второй мировой войны, о проблеме говорится мимоходом. Так, в работе итальянской исследовательницы М. Т. Джусты о военнопленных итальянской армии, а также австрийского историка С. Карнера об австрийских военнопленных эта тема вообще обойдена вниманием⁴. В исследовании французского историка Р. Бату о лагере № 188 на станции Рада в Тамбовской области говорится лишь о 17 побегах, связанных в основном с французскими военнопленными⁵. В одной из последних книг, посвященных теме плена, вопрос о побегах в лагерях Ленинградской области рассмотрен фрагментарно⁶. Дается общая статистика побегов за 1945–1949 гг. и отмечается их значительное количество во время производственных работ. Подчеркивалась региональная специфика, связанная с близостью новых прибалтийских республик и границы с Финляндией.

Мы уже обращались к этой теме, имея на руках далеко не полный комплекс источников⁷. Поэтому сама проблематика и значительный массив новых источников позволяют нам еще раз вернуться к этому вопросу и рассмотреть его на примере двух тамбовских лагерей: № 64 (Моршанский) и № 188 (станция Рада, под Тамбовом)⁸. Причем репрезентативность источников по двум лагерям неравномерна. По Радинскому лагерю представлены почти полные данные о побегах военнопленных, а по Моршанскому — только фрагментарно.

Цели побегов отличались в разные периоды войны. В начале декабря 1942 г. в лагерь под Тамбовом стали поступать военнопленные из сталинградского «котла» и первые группы спецконтингента потенциально были готовы к таким побегам. В 1943 г. линия фронта находилась сравнительно недалеко от Тамбова, на расстоянии 150–300 км, поэтому побег фактически из прифронтовых лагерей имели вполне конкретную направленность. Определенная часть военнопленных рассчитывала вернуться в свою армию, перейдя линию фронта, другие были готовы бежать вследствие тяжелой обстановки в самом лагере, где в это время наблюдалась массовая смертность.

В 1944 г., когда линия фронта ушла далеко на запад, часто целью побегов становится просто желание относительной свободы, хотя бы на несколько дней, ухода от повседневной рутинной лагерной действительности, тяжелой работы. Крайне редко ставились задачи дойти до своей Родины, еще реже — вернуться в свою часть. Летом 1944 г., после открытия второго фронта, многие военнопленные французы, бельгийцы и люксембуржцы ожидали отправки в армию генерала де Голля, поляки могли надеяться вступить в Войско Польское, румыны и чехи — в антифашистские части. Да и общая обстановка в лагерях становилась все более приемлемой для проживания: было налажено питание, относительный комфорт в жилых помещениях, улучшено медицинское обслуживание. Поэтому серьезных поводов для побегов становилось все меньше.

В 1945 г. уже для каждого непредвзятого очевидца становилось ясно, что война идет к концу и завершится поражением фашистского блока. Поэтому побег из лагерей были связаны не с желанием вернуться в свою армию или страну, а с потребностью получения любыми путями свободы, хотя бы временно уйти от тяжелой работы на промышленных объектах Тамбова и области. С середины 1945 г. побег почти прекратились, определенная часть военнопленных представителей народов поработанной немцами Европы, была отправлена на Родину, другие ожидали такую возможность. Военнопленные бывших фашистских государств получили значительные послабления, связанные с возможностью трудиться расконвоированными, ожидая скорого освобождения. Большая часть всех побегов 1944 и 1945 г. осуществлялась лицами недавно плененными и прибывшими в лагерь, не привыкшими к неволе, имеющими силы и желание бежать из плена. Основная масса военнопленных находилась в ослабленном физическом состоянии, страдая от авитаминоза и дистрофии, и не была готова к трудным испытаниям побега.

Меры по предотвращению побегов рассматривались руководством лагерей на протяжении всего периода их существования. Первоначально территория лагерей имела малоэффективную систему охраны, рассчитанную на содержание фильтрационного лагеря советских военнослужащих, проходивших проверку после плена или выхода из окружения. С прибытием с декабря 1942 г. первых групп военнопленных остро встал вопрос об улучшении качества охраны лагерей. Поэтому на первом этапе стояла задача укрепить систему лагерных заграждений в виде рядов колючей проволоки и вышек с постами, усовершенствовать систему охраны и подбор вахтерского состава. Эти вопросы были подробно рассмотрены нами в одной из статей⁹.

Другим важным методом предотвращения побегов из лагеря являлась оперативная работа службы по режиму со спецконтингентом. Среди военнопленных формировались осведомители¹⁰, которые регулярно поставляли информацию о настроениях в лагере¹¹. Так, информатор «Анзипетер» доложил, что 17 мая 1943 г. к нему обратился румын Георгий Кириле с предложением о побеге во время строительства за территорией лагеря хлебопекарни. Цель побега — дойти до линии фронта и присоединиться к своим войскам¹². Составлялись списки военнопленных, склонных к побегу. В середине лета 1943 г. в такой список вошел 71 человек — представители почти всех национальностей, находившихся в лагере¹³. В отчете по лагерю за май 1943 г. упоминается информация о лейтенанте итальянской армии Витали, который в совершенстве знал русский язык и имел славянскую внешность. В его лице подозревали бывшего русского эмигранта, выдававшего себя за итальянца¹⁴. Такие лица не посылались на работу вне лагеря и ставились под особый контроль. Достаточно часто в майские и октябрьские праздничные дни охрана лагеря значительно усиливалась и переходила на постоянный режимный контроль, опасаясь инцидентов.

Проверки моршанского и радинского лагерей в связи с побегами весной-летом 1943 г. показали неблагоприятное состояние охраны и режима работы военнопленных. В лагере № 64 двое военнопленных работали на электростанции, а пятеро в кузнице без охраны и постоянно контактировали с местным населением. Во время их выхода за пределы лагеря для хозяйственных работ охранники

Рис. 1. Неизвестный немецкий художник. Палатки в лагере 64

не следили за конвоируемыми и занимались своими делами. Угрозы возможных побегов привели к временному снятию с работы пленных на мельзаводе № 17 в г. Тамбове и ряде других объектов.

В лагере регулярно проводились обыски пленных и мест их проживания, изымались вещи, не подлежащие хранению, рабочий инструмент после завершения работ выносился и складировался за пределами лагерной зоны. В соответствии с инструкцией НКВД СССР приказом № 2 от 1 января 1943 г. в жилую зону лагеря могли заходить только лица со специальными удостоверениями или разовым пропуском. В ночное время в зону лагеря пропускались дежурные медсестры, врачи, повара и заведующий баней.

Существовал особый режим пропуска военнопленных за пределы лагеря на работы и их возвращения обратно. Выпускали через проходные ворота по счету и спискам, с записью в журнал учета выхода и прихода на работу. Роспись в журнале ставил старший конвоя. По прибытии обратно всех обыскивали и пересчитывали. Бывшие военнопленные в своих воспоминаниях часто упоминали эти долгие и утомительные проверки под открытым небом, превращавшиеся в тяжелые испытания для уставших и измученных людей, особенно в зимнее время¹⁵. **[Рисунки 1, 2, 3, 4]** В каждой землянке на видном месте должен был быть вывешен список военнопленных на родном языке, так как их селили по национальностям. В лагерях

на доске объявлений находился режим дня и порядок функционирования лагеря на основных языках военнопленных. Во время выходов на работы за пределы жилой зоны 1 вахтер приходился на группу в 6–8 человек, однако недостаток охраны способствовал постоянному нарушению правил содержания пленных, что создавало благоприятную обстановку для побегов.

Поскольку уже с лета 1943 г. часть спецконтингента использовали на различных работах в Тамбове или в других населенных пунктах, то вахтеры должны были строго предупреждать контакты с гражданским населением. Виновных охранников за такие нарушения наказывали гауптвахтой или преданием суду. В 1944 г. многие военнопленные стали работать на различных промышленных объектах Тамбова и области, пришлось совершенствовать систему охраны на предприятиях. Всего насчитывалось 16 таких объектов, требующих специальной дополнительной охраны¹⁶. Поскольку на большинстве предприятий военнопленные не только работали, но и жили, то руководство лагеря стало налаживать систему их охраны в местах, не совсем для этого приспособленных.

Так, проверка условий содержания военнопленных на Тамбовском моторо-ремонтном заводе в 1944 г. привела к появлению специального письма начальника лагеря И. И. Евдокимова на имя начальника управления НКВД СССР по делам военнопленных генерал-лейтенанта Г. П. Петрова, директора завода т. Шапиро и секретаря Тамбовского обкома ВКП (б) Майорова¹⁷. В письме отмечались недостатки по содержанию военнопленных на предприятиях: отсутствие дополнительного питания в 200 г хлеба и одного горячего блюда в сутки, проведение санобработки вахтеров и спецконтингента, их нахождение на разных территориях завода, а не на двух участках, как оговаривалось первоначально, что приводило к ослаблению контроля за ними и постоянным контактам с рабочими. Подобные проблемы встречались и на других точках.

В состав вахтеров здесь входили инвалиды или бывшие уголовники. Уже в первые дни работы двоих из них, пытавшихся продать постельные принадлежности, одеяло и военное обмундирование, обнаружили на местном рынке; другой сбежал со службы и был объявлен дезертиром, среди остальных встречались больные, в том числе с психическими расстройствами и сифилисом. Питание вахтеров организовали неудовлетворительно, многие положенные им продукты не выдавались, они служили

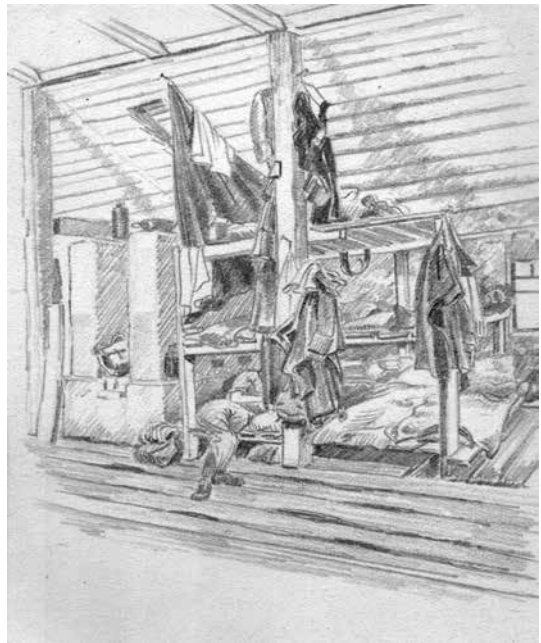

Рис. 2. Неизвестный немецкий художник. Барак в лагере 64

без обмундирования, дополнительного питания и вообще отказывались выполнять свои обязанности. Начальник лагеря предупреждал, что если до 25 июля 1944 г. не произойдет улучшение положения военнопленных и вахтерского состава, то он отзовет их обратно в лагерь. Лучше обстояло дело на строительстве Цнинстроя (гидротехнических сооружений на Цне для развития внутреннего судоходства) в 30 км от Тамбова и в 40 км от Моршанска, где военнопленные строили шлюзы. Сюда направили 1000 человек, и условия их размещения оставались вполне удовлетворительными. Охрану объекта и рабочих обеспечивала сама организация. Однако полностью ликвидировать условия для побегов во время работы и проживания на производственных объектах не удавалось.

Первые побеги военнопленных заставили совершенствовать систему их поиска по области. С этой целью уже в мае 1943 г. был разработан план розыска беглецов¹⁸. Образовывали группы содействия по 4–10 человек в населенных пунктах в радиусе 40–50 км. Их старались создавать из рабочих и крестьян, привлекая прежде всего членов партии, комсомольцев и активистов-общественников. Эти списки, как показывает практика, составлялись местными органами власти чаще всего формально, для отчетности, и не создавали серьезной базы для поиска беглецов.

Например, рано утром 28 февраля 1944 г. в 4 часа утра пленный француз Иозеф Фаертаг¹⁹ бежал с мельзавода № 17 г. Тамбова, пешком дошел

Рис. 3. Неизвестный немецкий художник. Барак лагеря 64

до с. Столового, где в этот же день появился в местном сельсовете²⁰. Сторож сельского совета М. А. Букатин разрешил беглецу переночевать внутри помещения. На следующий день председатель сельсовета Бельков попросил односельчан собрать продукты и разрешил французу переночевать еще одну ночь в служебном помещении. Рано утром И. Фаертаг ушел из села и вскоре был задержан оперативной лагерной группой. Он был уроженцем г. Аугсбурга, проживал в Страсбурге и был взят в плен 14 ноября 1943 г. в районе Лубны, затем отправлен в лагерь на Раду. За этот побег И. Фаертага направили в отдаленный восточный лагерь № 241. Таким образом, вся номинально имеющаяся группа боевого содействия на поверку оказалась абсолютно неэффективной. Да и в других случаях наличие подобных групп содействия давало низкий результат во время побегов военнопленных из лагеря. Забитые, запуганные, малограмотные сельские жители старались не вмешиваться в различные формы общественной жизни, самоустраняясь от подобных действий, перекадывая всю ответственность на местные органы власти. Хотя система общественно-политического строя сталинского времени, особенно в сельской местности, тщательно контролировала поведение местных жителей и появление незнакомых людей не могло остаться незамеченным, а наличие значительных степных пространств в Тамбовской области делало почти невозможным удачные побег в западном направлении.

Обо всех случаях побегов руководство лагерей обязательно информировало по спецсвязи две инстанции: начальника управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных генерал-лейтенанта Г. П. Петрова и начальника УНКВД по Тамбовской области полковника госбезопасности А. О. Лящук. Далее известие о побегах передавали во все районные отделения НКВД и милиции, местным партийным и советским властям с целью поиска беглецов. Чаще всего их обнаруживали опергруппы или лесники. Достаточно эффективными являлись группы поиска из числа сотрудников лагеря, которые направлялись по заранее определенным маршрутам. Они производили тщательный опрос местного

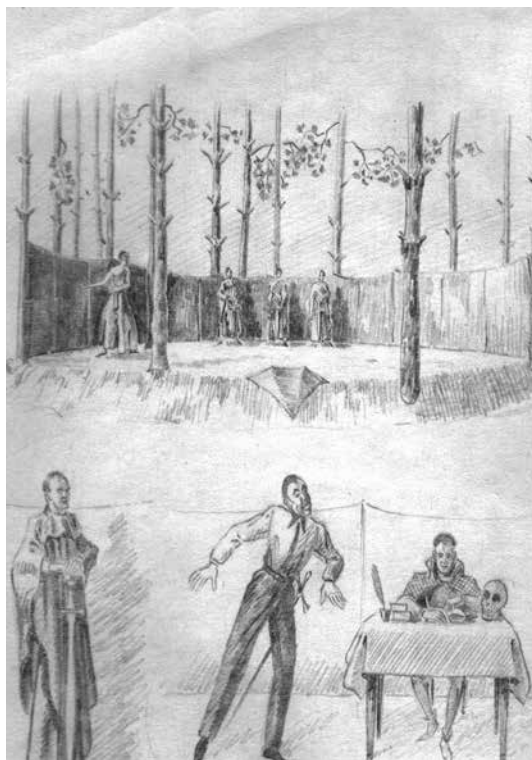

Рис. 4. Неизвестный немецкий художник.
Театральная постановка в лагере 64

населения, руководителей хозяйств и организаций, представителей партийных и силовых ведомств. Если беглеца не удавалось найти, объявлялся всесоюзный розыск и к делу подключались республиканские и всесоюзные органы НКВД, которые давали оперативную информацию по всей стране. Обычно при побеге на военнопленных посылалась ориентировка с указанием года рождения, цвета волос, роста, одежды, обуви и головных уборов. Обязательно указывалось знание или незнание русского языка, а также других языков. Наибольшие шансы скрыться и не быть пойманными имели военнопленные, хорошо знавшие русский язык и умеющие ориентироваться на местности.

Первые попытки побегов военнопленных наблюдались уже в январе-феврале 1943 г. Это были немцы, румыны, итальянцы и венгры. Побег объяснялся желанием определенной части военнослужащих немецкой армии добраться до своих воинских соединений и вернуться в строй. Фронт находился еще сравнительно недалеко, и такая возможность теоретически существовала, хотя трудно было себе представить, как могли выжить в условиях русской зимы солдаты, привыкшие к более мягкому климату, обмороженные, больные и ослабленные. Еще одной причиной побегов служили практически экстремальные условия содержания, массовая смертность, отсутствие качественного питания, медицинской помощи и санобработки, царившие в лагере № 188 в первой половине 1943 г. Определенная часть военнопленных рассчитывала, что лучше умереть на воле, чем медленно гнить в землянках лагерей. Так, военнопленный врач итальянец Божий Антониони, узнав о своей тяжелой болезни, 1 марта в 12 часов ночи специально напал на часового, чтобы тот его убил. Часовой ранил нападавшего и вызвал подмогу. Бежавшего вернули в лагерь.

За весь 1943 г. нами обнаружено 64 попытки побега или побегов из лагеря № 188²¹. Первые два побега по документам были предприняты 5 и 6 января 1943 г. Это был неизвестный итальянец и румын Плете Ион. Оба были ранены при попытке перейти нейтральную полосу. В феврале встретились три попытки побега, и в марте — 6. Причем все они были одиночными. Наибольшее количество побегов предпринималось в апреле 1943 г. — 8, что объясняется наступлением теплых дней и соблазном воспользоваться ими для возвращения в свою армию. Именно в это время произошли два групповых побега по три человека в каждом. В мае имели место быть три побега из Трегуляевского лесхоза. Один из них произошел 25 мая 1943 г., когда группа военнопленных работала на заготовке дров. Вахтеры Игнатов и Воротников упустили двух румынских военнопленных Иоана Крецу и Виктора Дария²². Они были одеты в румынскую национальную форму и обуты в хорошие альпийские сапоги с подковами и шипами. За все летние месяцы наблюдался только один побег группы румын из 6 человек во главе с Н. Михайлович. Побег возобновились только в октябре 1943 г. Летнее тепло, восстановление сносных условий содержания привели к снижению желаний бежать в сторону уже далеко ушедшего фронта. Да и общая обстановка на Восточном фронте, поражение немецкой армии, о котором, естественно, было доложено по лагерям, способствовали апатии и спаду интереса к попытке уйти из лагеря у основной массы контингента. Таким образом, побег военнопленных в 1943 г. в основном шли с территории лагеря или соседних лесхозов во время заготовки дров.

Достаточно часто в этот период побеги заканчивались расстрелом на месте или ранением при попытке перелезть через проволочные заграждения. Остальных возвращали обратно в зону. В первые три месяца с начала 1943 г. при попытках побега были убиты 11 человек. Обычно каждый такой случай, особенно если он заканчивался смертью беглеца, рассматривался внутренней комиссией лагеря и, как правило, она всегда оправдывала действия часовых. Некоторые поступки военнослужащих немецкой армии действительно можно квалифицировать как нарушение режима содержания контингента, когда совершались попытки проникнуть через проволочные заграждения между постами. Обычно по инструкции охрана должна была предупредить сначала голосом, а затем выстрелом в воздух. Только после этого разрешалось открывать огонь на поражение. Доказать, что часовой не произвел окрика и предупредительного выстрела, было почти невозможно — дело, как правило, проходило ночью без свидетелей и стреляли несколько раз. Имеющиеся документы проверок оставляют ощущение, что охрана лагеря использовала любую возможность, чтобы открыть огонь по военнопленным при их малейшем приближении к колючей проволоке ограды. Это было связано с отношением к пленным как к врагам, которых надо безжалостно уничтожать, так и с отсутствием квалификации у охраны и серьезного контроля со стороны центральных органов НКВД. Да и ценность жизни противника, при высоком уровне смертности, была сравнительно невысока, поэтому руководство лагерей на первых порах снисходительно относилось к таким действиям охраны.

5 января 1943 г. в 16.00 между 1-м и 3-м постами охраны двое военнопленных предприняли попытку проникнуть за колючую проволоку²³. Часовой сказал, что он окликнул военнопленных и произвел два предупредительных выстрела в воздух, а третьим на поражение ранил в грудь военнопленного итальянской армии Себастино Эрколи. Второй беглец убежал обратно в лагерь и скрылся в бараках, так что найти его не удалось. Уже 6 января была предпринята новая попытка побега военнопленного румына Плете Ион²⁴. Он хорошо знал русский язык и помогал администрации лагеря в работе с военнопленными как переводчик. В 12.00 Н. Плете попытался подойти вплотную к проволочному заграждению, после окрика и предупредительного выстрела часовой ранил его в левую ногу. 10 января в 21.30 военнопленный итальянской армии Африкано Доминико пытался пролезть через ряды колючей проволоки между 1-м и 2-м постами, был замечен охраной и убит²⁵.

17 февраля 1943 г. в 13.00 часовой поста № 3 увидел двух военнопленных итальянской армии, направляющихся к проволочным заграждениям. Один из них, Герница Шаба, полез под проволоку с банкой из-под консервов, как отмечено в рапорте, якобы «под видом взятия снега»²⁶. Охранник сделал предупреждение голосом, что снег под проволокой брать нельзя, затем предупредительный выстрел, после чего открыл огонь на поражение и убил противника, другой военнопленный убежал в бараки, и его не нашли. Можно предположить, что днем пленные вряд ли пошли бы на прямое нарушение режима, поскольку знали условия охраны. При этом комиссия подчеркнула наличие всего необходимого в самом бараке. Однако в этот период начались проблемы с подачей воды в лагерь — водопровод замерз и приходилось пользоваться снегом. Возможно,

пленные, испытывая жажду, оставшиеся без нормы воды, попытались добыть ее в чистом месте под проволочным ограждением.

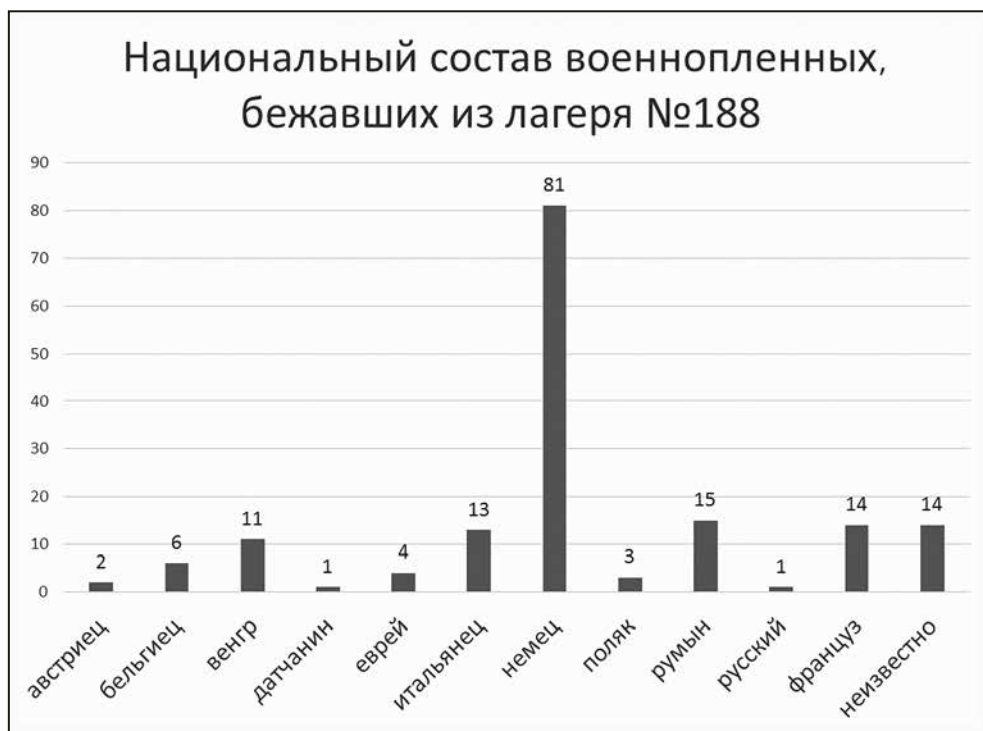
Аналогичный случай произошел в ночь с 27 на 28 февраля 1943 г., когда в 4 часа утра рядовой итальянской армии Маркини Густаво был убит, приблизившись к колючей проволоке²⁷. 17 марта в 17.15 в районе проволочных ограждений между 11-м и 12-м постами был обнаружен и убит итальянский военнопленный Сардини Дарю²⁸. При обыске в кармане у него находилась металлическая ложка, а в руках столовый нож. Однако следы показывали, что военнопленный шел от ограды в лагерь.

Во второй половине 1943 г. и в последующий период такие случаи стали большой редкостью. Вероятно, получив информацию о массовых убийствах пленных якобы при попытке побегов, центральное руководство НКВД приняло ответные меры. Последовали проверки, инструктаж с руководством лагерей и серьезные меры по усилению системы охраны, включая ограду и блокпосты. Ответственный дежурный не менее трех раз за ночь обходил периметр охраны, проверяя состояние постов: все военнопленные, после отбоя подошедшие к запретной зоне, задерживались и препровождались в комендатуру. Только в мае во время трех попыток побега из лагеря, в том числе и днем, были убиты два итальянца и один венгр²⁹. 18 октября 1943 г. шесть немецких военнопленных в 20.00 предприняли попытку пролезть под проволочные ограждения, но были обнаружены охраной. По ним открыли огонь, два человека получили смертельные ранения, одного задержали, а остальные скрылись в бараках. 21 декабря 1943 г. ночью в 3.30 неустановленный военнопленный румынской армии предпринял попытку пролезть под колючей проволокой ограды лагеря. По нему часовым был произведен неточный выстрел. Беглец успел отбежать на 250 метров от лагеря и во время преследования охраной был убит из нагана.

По национальному признаку в числе беглецов в 1943 г. упоминались венгры, итальянцы, румыны и немцы. Однако не все побеги заканчивались около территории лагеря. 10 апреля 1943 г. два немецких военнопленных — Хуберт Штаубе и Карл Миллер ночью перерезали колючую проволоку и бежали с территории лагеря. В теплый период года военнопленных стали часто использовать на различных работах вне жилой зоны, прежде всего на лесоразработках для заготовки дров и строительного материала. Именно отсюда, с территории Трегуляевского лесхоза, 25 мая 1943 г. в 12 часов дня бежали 2 румына³⁰. Виновным был признан вахтер Игнатъев, отданный под суд трибунала. 5 июля 1943 г. ночью, воспользовавшись дождем и туманом, через проволочные ограждения совершили групповой побег 6 военнопленных венгров и румын, одетых в национальную форму³¹. Однако вскоре их всех задержали. 16 февраля 1943 г. утром в 9.00 охрана обнаружила около уборной обвисшую нить проволочной ограды и бросилась в погоню. В 600 метрах от лагеря преследователи настигли беглеца и арестовали его. Им оказался итальянец Винченцо МартыNELI³². **[Таблица 1]**

Таким образом, мы видим, что в 1943 г. большинство побегов предпринимались с территории лагеря, чаще всего в ночное время. Многие побеги заканчивались гибелью беглецов или их поимкой. Из всех бежавших из лагеря до 1 января 1944 г. в бегах с 25 мая этого года находился только один

Таблица 1

военнопленный — румын Виктор Дарие. Охрана лагеря провела серию мероприятий по его поимке. В радиусе 50 км проводились облавы в населенных пунктах и лесных массивах. С этой целью задействовали воинские подразделения численностью до 200 рядовых во главе с группой офицеров и бригады содействия. Однако поиск не дал результатов, беглец был объявлен во всесоюзный розыск, а информации о его поимке в лагерь так и не поступила³³.

За 1944 г. нами зафиксировано 29 побегов, большинство из которых были связаны с различными работами за пределами лагеря. В ряде случаев речь шла о лицах, недавно привезенных в Радинский лагерь. Единственный побег с территории лагеря произошел 12 августа 1944 г. Немец Х. Бальцер сумел скрыться из лагеря, но вскоре был задержан охраной. 2 августа 1944 г. ночью с подсобного хозяйства лагеря № 188 на станции Пушкири был совершен побег двух немецких военнослужащих — Карла Кроля и Карла Франкфурка³⁴. Вскоре они были задержаны местными жителями в с. Лысье Горы.

Большая группа военнопленных работала на различных участках Цнинстроя. 15 октября 1944 г. оттуда бежал немецкий военнопленный Эрнст Вернер³⁵. Был задержан 16 октября и уже 23 октября отправлен проходящим эшеленом в лагерь № 153 Нижнего Тагила. 20 октября совершили побег трое немецких военнопленных. Были задержаны спустя 4 дня³⁶. 15 ноября 1944 г.

с Горельского участка Цнинстроя бежал немецкий солдат Франц Фаден, 6 декабря в 20.00 с работы, оттуда же, совершил побег немец Ганс Грунт, а 20 ноября случился групповой побег трех немецких военнослужащих, которые воспользовались временным отсутствием электроосвещения³⁷. Последние были задержаны колхозниками 24 октября в д. Бессоновка Мичуринского района. 22 декабря 1944 г. со строящейся плотины Цнинстроя бежали два поляка — Иоан Мотыга и Франческо Яворский³⁸. Они провели ночь в контрольно-пропускном пункте городского театра имени А. В. Луначарского, а затем скрылись из города. Несмотря на принятые меры, найти поляков не удалось, их объявили во всесоюзный розыск.

Остальные побегии осуществлялись с лесозаготовок, куксовских торфоразработок, со строящегося стадиона «Динамо» г. Тамбова. 25 марта 1944 г. в 14.00 во время заготовки леса для поставки на шахты Донбасса была предпринята попытка побега троих немецких военнопленных³⁹. В этот день шел сильный снег. Один из беглецов, Теодор Ридле, пытался скрыться в глубине леса и был при этом ранен в плечо. Двое других хотели спрятаться в куче хвороста, надеясь, что во время сбора и подсчета контингента в обеденный перерыв смогут совершить побег. При обыске у них обнаружили одеяла, которые они обернули вокруг тела. 20 июня 1944 г. в 4 часа утра со стадиона «Динамо» г. Тамбова из казарм, где ночевали 55 военнопленных, бежали датчанин Бадо Фюльграп и немец Бруно Бенцимировский⁴⁰. Они прошли якобы в туалет мимо дежурного вахтера Викторова и ушли через забор на запад вдоль реки Цна. Беглецов поймали вечером следующего дня в 25 км от лагеря с помощью лесника Д. М. Мамонтова⁴¹. 21 августа 1944 г. в 11.00 с Горельского лесхоза совершил побег немецкий военнопленный Карл Петерс⁴². Был задержан вечером этого же дня местным лесником. Два итальянца, Феличе Челоти и Анжето Кальцани, 27 октября 1944 г. сбежали с областных парткурсов, где занимались ремонтом помещений. Оба попали в плен к немцам и содержались в немецком лагере, откуда были переправлены в Тамбовскую область⁴³. Беглецов задержали на следующий день в с. Кузмино Тамбовского района.

По моршанскому лагерю № 64 мы располагаем данными по побегам за 1944 г. Всего зафиксировали 10 побегов, из них 7 приходились на немцев, по одному — на венгра, румына и еврея из рабочих батальонов венгерской армии. Большинство бежало с рабочих точек, а один — из госпиталя. Видно, что охрана лагеря особо не церемонилась с беглецами, 4 из них были убиты при побеге или поимке. Так, 15 мая был совершен групповой побег: три немца — Макс Марцотка, Жорж Инокс и Ганс Книц бежали во время лесозаготовок, их обнаружили в районе с. Кулеватово. Во время преследования двое были убиты, а один из них арестован. На 1 января 1945 г. в бегах числились военнопленные Арнольд Клейман и Иоан Василеску (лагерь № 64), Иоан Мотыга и Франческо Яворский (лагерь № 188)⁴⁴.

В 1945 г. побегов стало больше, особенно во второй половине года. Война закончилась, и пленных потянуло на волю. Они видели, что часть спецконтингента из стран, завоеванных Германией, отправили на Родину, а немецких военнопленных и их союзников по фашистскому блоку оставили на месте. В связи с их массовым использованием на хозяйственных работах в различных организациях как

в городе, так и сельской местности, ослаблением дисциплины среди охранников, осуществить побегии стало проще.

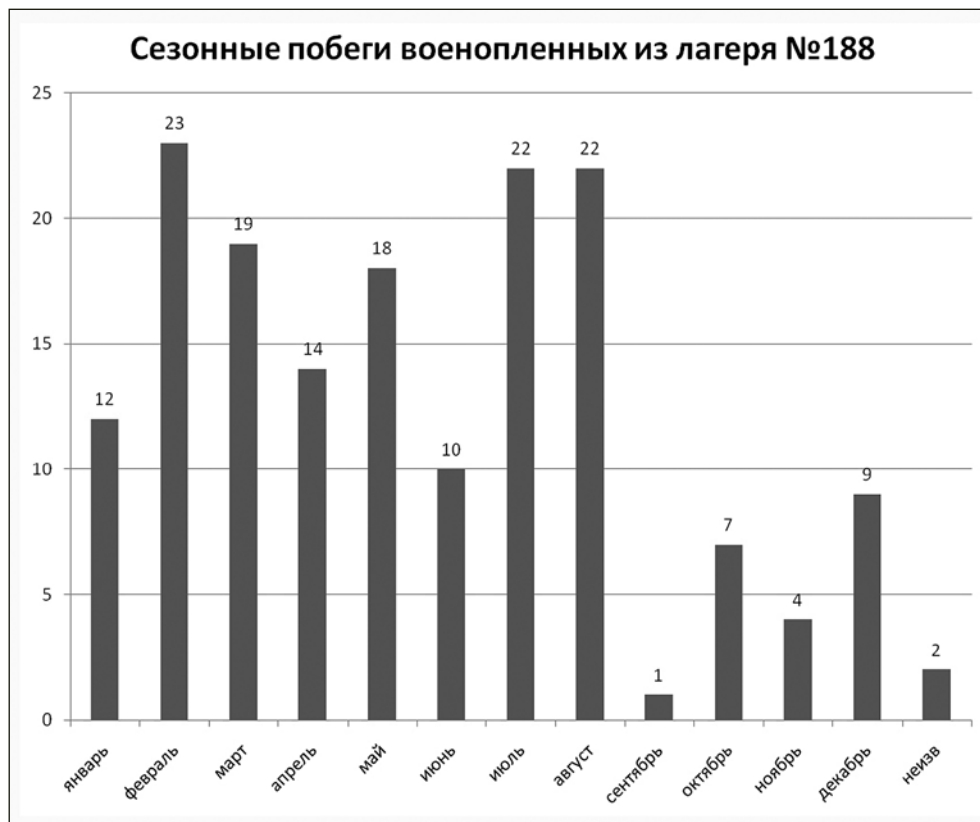
В январе — апреле 1945 г., судя по документам, побегов почти не было, что объясняется холодным временем года и неблагоприятными погодными условиями. Только 7 января два француза, Крон Геинц и Леон Шатре, совершили побег, но 12 января были пойманы местным населением. После допроса в лагере выяснилось, что Крон Геинц дал о себе ложные сведения. Он оказался лейтенантом немецкой армии Оскаром Херром, взятым в плен 3 июля 1944 г.⁴⁵ После поимки его отправили в лагерь № 991 в г. Караганда, а Леона Шатре — в лагерь № 171 в Марийской АССР. Начиная с мая количество побегов увеличилось. Если в мае и июне соответственно предпринимались 4 и 3 побегии, то в июле и августе их зафиксировано 9 и 6. Всего за 1945 г. насчитывалось 50 побегов. Несколько побегов были предприняты из лагеря. 1 июля 1945 г. из 2-го отделения лагеря № 188 бежали четыре немецких военнопленных, были задержаны только спустя 4 дня. Из этого отделения 18 ноября был совершен побег еще двух военнопленных. 6 июля 1945 г. в середине дня с заготовки дров в районе лагеря совершили побег двое французских военнопленных: Ганри Штерба и Жан Перинд⁴⁶. Были задержаны только спустя четыре дня. 29 августа 1945 г. из лагерного отделения № 2 г. Кирсанова совершил побег Оскар Хубертай⁴⁷. Он сбежал во время лесоразработок и был обнаружен силами бригад вахтерского состава только 6 сентября в Хоботовском районе Тамбовской области. С этой же точки ночью 5 июля совершили групповой побег четыре немца⁴⁸. Были пойманы спустя 4 дня. Причем, как выяснилось, все четверо занимались в лагере торговлей и постоянным обменом продуктов, а некоторые сделки носили характер кражи.

Благоприятным обстоятельством для побегов в северном и восточном направлении в теплый период года был Цнинский бор, переходящий в мещерские леса. Они позволяли определенное время находиться в глубине лесной чащи, скрываясь от людей и погони. Продолжались побегии с торфоразработок и заготовок леса, так как все эти работы производились в лесной местности, где имелись подходящие для этого условия. Работы были тяжелыми, добыча торфа сопровождалась постоянным стоянием в воде, что приводило к серьезным кожным заболеваниям и простудам. Так, 26 июня и 1 июля отсюда бежали три немца, которые были задержаны и препровождены в лагерь.

Значительно выросло количество побегов с рабочих точек. 26 июня 1945 г. с рабочей точки «Арженская» около г. Рассказово бежали Пьер Шарль и Виктор Кролиш. Регулярно встречались, как и раньше, побегии с разработки торфоболот с. Куксово: 1 июня Рудольф Вулькен и Франц Бозе; 26 июня сбежал Генри Марсел, а 1 июля пытались бежать сразу трое военнопленных, но попытка была предотвращена в самом зародыше⁴⁹. Все совершившие побег военнопленные в кратчайшие сроки были пойманы. 23 июля 1944 г. с подсобного хозяйства Тамбовского вагоноремонтного завода совершили побег три немецких военнопленных: Альфред Ромено, Генри Деруэт, Курт Хоф, а 28 июля 1945 г. с птицевхоза «Арженка» два бельгийца из Антверпена: Роберт Геншер и Георгий Эбергарт⁵⁰. 15 августа со строящейся трассы на участке Ворона бежал немец Гельмут Ганн.

Таблица 2

Был обнаружен и арестован 20 августа рано утром на железнодорожной станции Платоновка⁵¹. [Таблица 2]

В это время участились побеги со стройки газопровода Саратов — Москва, куда привлекли большую группу военнопленных. Только конце декабря 1945 г. с производственного участка около с. Дмитриевка бежали трое немецких военнослужащих. В ночь с 28 на 29 декабря бежали еще два немца — Вилли Нагель и Пауль Вильнер, а в ночь с 30 на 31 декабря 1945 г. совершил побег немец Карл Браунер⁵². Большинство побегов пресекались сразу же, по горячим следам. Однако иногда беглецам удавалось уйти достаточно далеко. На железнодорожной станции Курск был задержан немец Венделин Бейль, который 13 сентября 1945 г. бежал из лагеря № 188⁵³. Беглеца вернули под конвоем обратно на Раду.

В феврале 1945 г. произошло несколько побегов со строительства газопровода Саратов — Москва в Кирсановском районе. По донесению начальника лагерного отделения № 1, на строительстве газопровода около г. Кирсанов с 10–18 февраля сбежали или разбрелись по окрестностям 13 немецких военнопленных. Причем один из беглецов предпринял три такие попытки, пока

не был отправлен обратно в лагерь⁵⁴. Выяснилось, что четверо других беглецов находились в штрафной роте как бежавшие из неустановленных лагерей. Побег со стройки газопровода были связаны с плохими бытовыми условиями содержания и качеством питания. Так, находившийся на этом участке военнопленный Вильман Шпринге был послан сюда из Саратовского лагеря № 238. Он ушел со строительства газопровода и добровольно вернулся в свой лагерь.

Абсолютное количество побегов приходилось в 1945 г. на контрагентские точки, где военнопленные работали. Здесь было мало охраны, и она не могла усмотреть за всеми работниками, а близость леса создавала иллюзию свободы от лагерной рутины.

С начала 1945 г., и особенно после победы над фашистской Германией, резко увеличивается число расконвоированных военнопленных разных национальностей, которые могли самостоятельно уходить и приходиться на работу. Так, 3 января 1945 г. по просьбе своего заместителя начальник лагеря разрешил двум венграм работать в зоне лагеря без конвоя на автомобиле и тракторе⁵⁵. Подобные списки составлялись постоянно, однако уже летом этого же года руководство лагеря начало жаловаться на поведение некоторых военнопленных, которые отказывались приветствовать лагерное руководство, отлынивали от работы или самовольно задерживались на местах своей работы, вступали в контакты с местным населением, пытались далеко уходить от лагеря с целью обмена продуктов, табака или одежды с жителями соседних сел⁵⁶. Военнопленный француз Жан Хаан, будучи старшим по кухне лагерной точки на 14 км, выкрал 1 кг кукурузы и 1 кг гороха, выменял продукты на кольцо своего сотоварища Артура Жоста, а затем отбыл в лагерь, прихватив еще две буханки хлеба⁵⁷. 22 июня 1945 г. расконвоированные Лете Бишев, Пакот Шеэ, Пуенсинион Ферман, Не Люсьен самовольно отлучились из лагеря и ушли на станцию Рада, где поменяли у гражданских лиц взятые с собой табак, мыло и другие предметы. Самовольщики были задержаны, арестованы и отданы на трое суток в карцер. Расконвоированный венгр Варго Калман 17 февраля 1946 г. ушел с работы на механическом заводе г. Тамбова к своей даме сердца в с. Лысые Горы, где и пробыл с 15.00 до 20.00, не явившись на проверку. Наказанием за такое поведение стал перевод обратно в зону лагеря под контроль охраны.

В ряде случаев военнопленные доставали у местного населения спиртные напитки. 20 июля 1945 г. военнопленные Иоан Ферару, Николай Конрад, Николай Штербу и Иван Думитру работали в конном парке лагеря № 188, отлучились в соседнее селение, где приобрели спиртное и напились допьяна⁵⁸. В результате трое из них опоздали на вечернюю проверку, а Иван Думитру вообще остался ночевать в конюшне. Все четверо получили наказание в виде 10 суток карцера.

10 августа 1945 г. руководство лагеря № 188 подготовило очередной приказ о создании вспомогательной вахткоманды из 39 люксембуржцев, которые должны были нести охрану своих подразделений, создавались списки расконвоированных, выполнявших работы внутри и за пределами лагеря⁵⁹. Расконвоирование практиковалось и в 1946 г. Однако не все военнопленные выдерживали такой распорядок и иногда нарушали режим. Так, 8 февраля 1946 г. расконвоированный венгр Дечи прибыл в лагерь с работы в пьяном виде, что позволял себе и раньше.

А 15 февраля другой венгр, Кош, был поставлен на пост около продовольственного склада, но самовольно ушел в общежитие конного парка⁶⁰. Обоих нарушителей приговорили к 5 суткам ареста и «законвоированию» обратно.

Кроме побегов из тамбовских лагерей, на территории Тамбовской области иногда задерживали беглецов из других лагерей России. Странная история произошла с группой из одного поляка Эмиля Казака и двух немцев — Рихарда Вассармана и Эвана Краузе. 4 августа 1944 г. их задержали около с. Новая Ляда, расположенного недалеко от Радинского лагеря⁶¹. Они настаивали, что бежали от Минска на попутном транспорте и дошли до Тамбовской области, что звучало неправдоподобно. Скорее всего, они бежали из лагерей соседних областей и пытались придумать более-менее правдивую версию своего появления.

В ночь с 7 на 8 апреля 1945 г. со станции Платоновка прямо из эшелона бежали два поляка, которых везли из Кракова на восток страны⁶². 30 мая немец Альберт Зенгер сбежал с поезда около с. Горки и до начала августа находился в бегах. Затем был обнаружен и отправлен в карцер лагеря № 188. В августе 1945 г. на территории Тамбовской области задержали двух немецких военнослужащих — Иоана Шмица и Штапена Хормана, которые еще в июне месяце убежали из Рязанского лагеря для военнопленных, их долго разыскивали и обнаружили только в соседней Тамбовской области. 22 декабря этого же года в Радинский лагерь были доставлены два военнопленных венгра — Дердь Медво и Юзеф Ковач, бежавшие из вагона на станции Никифоровка, недалеко от Мичуринска, где проломили стены⁶³. Их эшелонам перевозили на восток страны. Также в январе 1946 г. из лагеря г. Саратова сбежали два немецких военнослужащих, которых арестовали в Тамбове и отправили в лагерь № 188. Таким образом, на территории Тамбовской области оказывались военнопленные, перемещенные на восток, или бежавшие из соседних областей.

В 1946 г. побеги становились уже редкостью. В основном их участниками были пленные немцы и венгры. 22 января 1945 г. с завода «Ревтруд» г. Тамбова, расположенного рядом с железнодорожным вокзалом, совершил побег Александр Бульон⁶⁴. Его задержали на станции Грязи, вернули в лагерь, посадили на 5 суток гауптвахты, а затем направили на 3 месяца в штрафную роту. 12 февраля 1946 г. в Ракшинском районе был задержан военнопленный немец Крестин Ширк⁶⁵. При допросе выяснилось, что он бежал 25 января с работ Дмитриевского участка и все это время передвигался по различным районам Тамбовской области. Причем никто из руководства участка не поставил в известность лагерь о побеге, чем грубо нарушили инструкцию. В ночь на 5 марта 1946 г. двое немецких военнопленных, Блюм Гаиц и Эрнест Хампель, совершили побег из жилого помещения тамбовского мотостроительного завода, однако были задержаны и возвращены в лагерь⁶⁶. **[Таблица 3]**

В некоторых случаях побеги с места работы совершались с целью добраться до лагеря, так как условия быта на предприятиях не соответствовали элементарным нормам. Проверочная комиссия из лагеря обнаружила такие нарушения, как антисанитария в жилых помещениях военнопленных, слабая дисциплина охраны, нарушения трудового использования, плохое питание и отсутствие дополнительных норм за работу. Например, 25 апреля 1946 г. вахтер Семенов

Таблица 3

задержал двух военнопленных немцев — Крифтинга и Убиберха, бежавших с тамбовского моторостроительного завода⁶⁷. Когда их повезли на грузовых машинах, они воспользовались отсутствием конвоя, совершили побег и ушли в лагерь № 188. В основном их жалобы касались плохого питания, отсутствия возможности помыться в бане в течение полутора месяцев и санитарного обслуживания. При проверке на них обнаружили грязное белье, а на теле — нарывы и сыпь.

Такая же ситуация сложилась на лесочастке хозяйственного отдела УМВД Тамбовской области⁶⁸. Здесь нарушались все установленные нормы для работающих военнопленных, вплоть до их избиения охраной. Так, 26 мая начальник точки и бригадир пытались заставить немца Монса Роккера загрузить в машину дрова с целью хищения и отправки в Тамбов. Тот отказался воровать дрова, и его несколько раз ударили по лицу. Затем в течение четырех дней всем работникам выдавали сокращенные порции хлеба, а в следующие три дня вообще перестали давать. 2 июня пленных отправили на участок, заставили работать без перерыва на обед, лишили законного отдыха в выходной и даже угрожали оружием. В ответ на это четверо немецких военнопленных ночью ушли с объекта и рано утром 3 июня самостоятельно пришли в Радинский лагерь. Руководство лагеря приняло решение отставить военнопленных от работы на этом объекте.

Японцы в свою очередь, составившие с осени 1945 г. большинство контингента лагеря № 188, в побег не уходили. Они сохранили военную структуру своих подразделений, офицеры жили вместе с солдатами и добросовестно работали в хозяйствах г. Тамбова и области. У них имелась четкая армейская дисциплина, командный состав и представление о необходимости выполнить порученную работу и вернуться на Родину. Психология японских военнопленных в значительной мере отличалась от психологии других своих товарищей по несчастью. Они считали, что квантунская армия не сдалась в плен, а капитулировала по приказу императора, поэтому и сохраняли все воинские атрибуты, а также армейскую структуру во главе с офицерским составом.

В 1946 г. военнопленных, в том числе и японцев, часто использовали для различных хозяйственных работ в Тамбове. Охрана была номинальной, поэтому любопытные городские жители постоянно контактировали с ними, обменивали продукты на вещи, подкармливали, снабжали табаком. Подобные обмены происходили и во время движения военнопленных по улицам города. Все это вызывало большую озабоченность у работников НКВД.

Таким образом, из всех периодов существования лагерей военнопленных в Тамбовской области наименьшее количество побегов отмечалось в 1943 г. Это было связано с тяжелым физическим состоянием первых военнопленных, попавших в лагерь в начале года, и достаточно жесткими мерами охраны по пресечению побегов. Наибольшее количество беглецов пришлось на 1945 г. Многие военнопленные были разочарованы, что с окончанием войны их не вернули на Родину, и предпринимали неоднократные попытки побега. В первой половине 1945 г. значительно вырос контингент военнопленных в тамбовских лагерях, которые оказались перенаселенными. Это привело к резкому ухудшению условий их жизни. По сезонам наибольшее количество беглецов зафиксировано в феврале, а также марте — мае и июле — августе. Естественно, в теплое время года, при отсутствии снега шансы скрыться от преследования резко возрастали. Национальный состав беглецов продолжал быть интернациональным, но абсолютное большинство побегов оставалось за немцами, далее шли венгры, румыны, итальянцы и французы. Причем надо отметить, что со второй половины 1944-го и первой половины 1945 г. французы вместе с бельгийцами и люксембуржцами составляли абсолютное большинство всех обитателей лагеря № 188.

За побег из лагеря грозили разные наказания: арест на несколько дней с содержанием на гауптвахте, запрет на работы за пределами лагеря и самое суровое наказание — отправка в восточные или северные лагеря, что иногда практиковалось в 1943–1944 гг. Беглецов, которые оказали сопротивление во время задержания, могли расстрелять на месте, что часто случалось в первый год существования зоны. С 1945 г. стала широко применяться практика отправки на несколько дней на гауптвахту, а затем на срок от 1 до 3 месяцев — в штрафную роту. Практически не наблюдалось ни одного случая оказания сопротивления сотрудникам лагеря при побеге или задержании, так как за это могли отдать под трибунал. В августе 1945 г. по случаю победы Красной Армии над Японией большинство штрафников получили амнистию и вернулись

в свои бараки. Передача дел о побегах в трибунал по материалам тамбовских лагерей не прослеживалась. Таким образом, видно, что в отношении побегов руководство лагерей старалось в целом соблюдать международные конвенции по содержанию военнопленных.

С 1946 г. командование лагеря за хорошее поведение и работу стало награждать отдельных военнопленных увольнительными. Сохранилось несколько образцов рапортов к руководству лагеря с просьбой разрешить выйти в Тамбов с целью покупок продуктов и махорки на заработанные деньги⁶⁹. Увольнительные давались на один день с утра до вечера. Таким образом, в последний период существования Радинского лагеря уровень дисциплины для спецконтингента приближался к нормам советских воинских частей, режим был значительно ослаблен и становился достаточно вольным.

Можно отметить, что НКВД и советское руководство столкнулось с массовыми проблемами поступления большого количества военнопленных с конца 1942 г., а затем эта проблема периодически возникала после крупных наступательных операций Красной Армии. Особое внимание пришлось обратить на режим охраны, систему ограждения и контроль за военнопленными. Это стало актуальным уже в начале 1943 г. в связи с участвовавшими попытками побегов. Принятые меры позволили фактически к 1944 г. ликвидировать возможность побегов с основной территории лагеря № 188. Наиболее опасными с точки зрения возможных побегов оставались «контрагентские» точки, где работали заключенные. Создать здесь такие же условия охраны, как в самом лагере, оказалось невозможно, и большинство побегов происходило именно с мест работы.

Если в первый год существования лагерей часть военнопленных стремилась бежать в свои воинские подразделения, рассчитывая перейти линию фронта, то в последующие годы сказывалась усталость от лагерного режима неволи и желание хотя бы недолго побыть на воле. Иногда побег провоцировала охрана, беспечно не обращавшая внимание на своих подопечных. Сравнивая характер и цели побегов лагерей из Тамбовской области и Северо-Запада СССР, можно отметить отсутствие близости границы и недавно присоединенных к Советскому Союзу территорий, где беглецы могли найти сочувствие у местного населения. Поэтому побег из области Центральной России крайне редко заканчивались успехом. Чаще всего в бега пытались уйти лица, недавно поступившие в лагерь. Особенно их влекла железная дорога, которая позволяла быстро уехать от мест своего заключения. В условиях сталинского тоталитарного режима, всеобщей подозрительности и доношительства далеко уйти военнопленным не удавалось, и абсолютное большинство таких побегов заканчивались поимкой беглецов в течение 1–3 дней. Последующие годы, особенно после окончания войны, отмечены значительным послаблением режима содержания военнопленных, который все более приближался к соответствию международным нормам.

- ¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 16-11-68005.
- ² Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М. М. Загорюлько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорюлько. М., 2000. С. 36, 936, 1052.
- ³ *Ходяков М. В.* 1) Побег иностранных военнопленных из лагерей НКВД-МВД Эстонии в 1945–1949 г. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 228–249; 2) Материалы государственного архива Эстонии как источник по изучению военнопленных Второй мировой войны в лагерях НКВД-МВД ЭССР. 1944–1949 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 64–77; 3) Практики выживания иностранных военнопленных в лагерях НКВД-МВД во второй половине 1940-х годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 2 (79). С. 41–54; 4) Агентурная работа НКВД-МВД в лагерях иностранных военнопленных Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2016. Вып. 2. С. 139–149; 5) Иностранцы военнопленные Великой Отечественной войны в лагерях НКВД-МВД Эстонии. 1944–1949 гг. СПб., 2016; *Hodjakov M.* Välimaaalastest sõjavangid Kreenholmi puuvillaladudes. 1945. aasta // TUNA. 2013. № 3. Lk. 101–108; *Baty R.* Tambov camp sovietique 1942–1946 // Les archives sovietiques parlent. Т. 1. Strasbourg, 2011. С. 188–197.
- ⁴ *Джусту М.* Итальянские военнопленные в СССР 1941–1954. СПб., 2010; *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956. М., 2002.
- ⁵ *Baty R.* Tambov camp sovietique 1942–1946. Les archives sovietiques parlent. Т. 1. Strasbourg, 2011. С. 188–197.
- ⁶ *Иванов В. А., Колошинская Н. В.* Военный плен и особенности его регулирования во второй половине 1940-х годов: региональный аспект. СПб., 2014.
- ⁷ *Мизис Ю. А.* 1) Побег военнопленных немецкой армии из советских лагерей в период Второй мировой войны (на примере лагеря № 188, станция Рада, Тамбовская область) // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М. В. Ковалева и И. Р. Плева. Саратов, 2015. С. 126–138; 2) Медицинское обслуживание в лагерях военнопленных в годы Второй мировой войны (на примере лагеря № 188, станция Рада под Тамбовом) // Вестник Тамбовского университета. Вып. 8 (124). 2013. С. 349–356; 3) Тамбовский спецлагерь для «бывших военнопленных» Красной армии // Тамбов и историко-культурное наследие города. Научно-практическая конференция, посвященная году культуры в Тамбовской области. Тамбов, 2013. С. 113–124.
- ⁸ Об истории этих лагерей см.: *Писарев Е.* Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа... Тамбов, 1999; *Мизис Ю. А.* 1) Польские военнопленные в тамбовских лагерях // Поляки в истории российской провинции XIX–XX вв. Диалог цивилизаций. Мат-лы междунар. науч. конф. 18–20 мая 2010. Тамбов, 2010. С. 305–316; 2) Польские военнопленные в тамбовских лагерях в годы второй мировой войны // Wrogowie, sojusznicy, towarzysze broni Polsko-rosyjskie stosunki wojskowe w pierwszej połowie XX wieku pod redakcją Jakuba Wojtkowiaka. Poznań, 2013. 285–296.
- ⁹ *Мизис Ю. А.* Побег военнопленных немецкой армии. С. 126–138.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Ходяков М. В.* Агентурная работа НКВД-МВД в лагерях иностранных военнопленных Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2016. № 2. С. 139–149.
- ¹¹ Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.
- ¹² Там же. Д. 20. Л. 71.
- ¹³ Там же. Д. 22. Л. 1–3.
- ¹⁴ Там же. Д. 12. Л. 25.
- ¹⁵ *Митчи III.* Тамбов хроника плена. Время испытаний, надежд и разочарований. СПб., 2015. С. 187–188.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 23. Л. 33–37.
- ¹⁷ Там же. Д. 25. Л. 13–14.
- ¹⁸ Там же. Д. 14. Л. 1–18.
- ¹⁹ В связи с нехваткой переводчиков, в карточки очень часто вносились имена и фамилии со слуха, зачастую сильно искаженные и измененные. На эту особенность работы с российской лагерной документацией обратил внимание Р. Бати. См. *Baty R.* Tambov camp sovietique 1942–1946 // Les archives sovietiques parlent. Т. 1. Strasbourg, 2011.

²⁰ ГАТО. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 22. Л. 7–11; Д. 25. Л. 2, 9. Д. 27. Л. 6.

²¹ Общая численность всех побегов пока установлена по сохранившимся данным 188 лагеря в ГАТО, ряд побегов, о которых известно по косвенным данным, не учтен в связи с отсутствием источников.

²² ГАТО. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

²³ Там же. Д. 20. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 18. Л. 4–5; Д. 20. Л. 6.

²⁷ Там же. Д. 18. Л. 4–5; Д. 20. Л. 10–12.

²⁸ Там же. Д. 20. Л. 22.

²⁹ Там же. Л. 45–47.

³⁰ Там же. Д. 14. Л. 29.

³¹ Там же. Д. 12. Л. 27; Д. 17. Л. 6.

³² Там же. Д. 20. Л. 15.

³³ Там же. Д. 23. Л. 13.

³⁴ Там же. Д. 22. Л. 13.

³⁵ Там же. Д. 23. Л. 41.

³⁶ Там же. Д. 27. Л. 48.

³⁷ Там же. Л. 48–49.

³⁸ Там же. Д. 22. Л. 63.

³⁹ Там же. Д. 27. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Д. 26. Л. 19.

⁴¹ Там же. Д. 22. Л. 16.

⁴² Там же. Д. 27. Л. 37.

⁴³ Там же. Д. 22. Л. 16, 43, 86; Д. 26. Л. 52; Д. 27. Л. 52–53.

⁴⁴ Там же. Д. 36. Л. 16.

⁴⁵ Там же. Д. 31. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Д. 28. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Д. 27. Л. 102.

⁴⁸ Там же. Д. 28. Л. 11.

⁴⁹ Там же. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Д. 22. Л. 89; Д. 28. Л. 14.

⁵¹ Там же. Д. 22. Л. 98.

⁵² Там же. Л. 107.

⁵³ Там же. Л. 97.

⁵⁴ Там же. Д. 41. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 31. Л. 1–3.

⁵⁶ Там же. Д. 28. Л. 2.

⁵⁷ Там же. Л. 10.

⁵⁸ Там же. Л. 20.

⁵⁹ Там же. Л. 15–16, 25, 26, 27, 30, 32, 39, 37.

⁶⁰ Там же. Д. 37. Л. 14–15.

⁶¹ Там же. Д. 22. Л. 37.

⁶² Там же. Л. 75.

⁶³ Там же. Д. 27. Л. 67.

⁶⁴ Там же. Д. 37. Л. 12.

⁶⁵ Там же. Д. 39. Л. 13.

⁶⁶ Там же. Д. 37. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Д. 39. Л. 17.

⁶⁸ Там же. Д. 41. Л. 23.

⁶⁹ Там же. Д. 39. Л. 5.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мизис Ю. А. Побегии военнопленных из тамбовских лагерей в годы Второй мировой войны. 1942–1946 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 41–63.

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.303

УДК 355.415.8

Аннотация: В статье на основе неопубликованных архивных источников рассматривается проблема побегов военнопленных немецкой армии и их союзников из тамбовских лагерей: Радинского № 188 и Моршанского № 54. Выделяются основные периоды, причины и цели таких побегов, национальный состав беглецов. Первоначально военнопленные пытались бежать к линии фронта, рассчитывая вернуться в свои воинские части. С 1944 г. бегство пленных предусматривало возможность хотя бы на короткий срок уйти от лагерной повседневности, тяжелых условия быта и труда. Руководство лагерей уделяло особое внимание профилактике побегов, совершенствуя систему охраны, контроля за пленными, особенно во время работы на хозяйственных объектах, сбора информации об их настроениях. Отмечается рост побегов в 1944–1945 гг. с рабочих точек, где было невозможно полностью обеспечить качественный контроль. В статье отмечается соблюдение в целом выполнение властями СССР норм международного права по содержанию и наказанию беглецов.

Ключевые слова: война, лагерь, военнопленные, побегии, охрана, НКВД.

Сведения об авторе: доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия); ymizis49@yandex.ru

FOR CITATION

Mizis Y. A. Escapes of Prisoners of War from Tambov Camps during the Second World War. 1942–1946, *Modern history of Russia*, no 3, 2016. P. 41–63. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.303

Abstract: The article describes escapes of war prisoners of German army and its allies from Tambov camps. It is based on unpublished archival sources. The author separates the main periods, the reasons and objectives of the flights, the national structure of the fugitives. Initially, the prisoners tried to escape to the front line, hoping to return to their military units. Since 1944 the flight had given the prisoners possibility to get away from the camp daily, hard conditions of life and work at least for a short period of time. The leadership of the camps paid special attention to the prevention of escapes, improving the guarding system, control over the prisoners at work, collecting information on their moods. In 1944–1945 there was a growing number of flights from the places of work where it was impossible to ensure the necessary control. The author points out that the government of the USSR fulfilled all the international obligations on the maintenance and punishment of fugitives.

Keywords: war, camp, prisoners, escapes, guard, NKVD.

Author: Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, G. R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia); ymizis49@yandex.ru

References:

- 1 *Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy*, Comp. by M. M. Zagorulko, S. G. Sidorov, T. V. Tsarevskaya, Ed. M. M. Zagorulko (Moscow, 2000).
- 2 Khodjakov M. V. 'Pobegii inostrannykh voennoplennykh iz lagerej NKVD-MVD Estonii v 1945–1949 g.', *Modern History of Russia*, 2013, no. 2.
- 3 Khodjakov M. V. 'Materialy gosudarstvennogo arkhiva Estonii kak istochnik po izucheniju voennoplennykh Vtoroj mirovoj vojny v lagerjakh NKVD-MVD ESSR. 1944–1949 gg.', *Vestnik arkhivista*, 2015, no. 1.
- 4 Khodjakov M. V. 'Praktiki vyzhivaniija inostrannykh voennoplennykh v lagerjakh NKVD-MVD vo vtoroj polovine 1940-kh godov', *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2015, no. 2 (79).
- 5 Khodjakov M. V. 'Agenturnaja rabota NKVD-MVD v lagerjakh inostrannykh voennoplennykh Velikoj Otechestvennoj vojny', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Ser. 2, 2016, Iss. 2.

- 6 Khodjakov M. 'Välismaalastest sõjavangid Kreenholmi puuvillaladudes. 1945. Aasta', *TUNA*, 2013, no. 3.
- 7 Khodjakov M. V. *Inostrannye voennoplennye Velikoj Otechestvennoj vojny v lageryakh NKVD-MVD Estonii 1944–1949 gg.* (St. Petersburg, 2016)
- 8 Baty R. 'Tambov camp sovietique 1942–1946' in *Les archives sovietiques parlent*, Vol. 1 (Strasbourg, 2011).
- 9 Giusti M. *Italjanskije voennoplennye v SSSR 1941–1954* (St. Petersburg, 2010).
- 10 Karner S. *Arhipelag GUPVI. Plen i internirovanie v Sovetskom Sojuze. 1941–1956* (Moscow, 2002).
- 11 Ivanov V. A., Koloshinskaya N. V. *Voennyj plen i osobennosti ego regulirovanija vo vtoroj polovine 1940-kh godov: regionalnyj aspekt* (St. Petersburg, 2014).
- 12 Mizis Yu. A. 'Pobegi voennoplennykh nemeckoj armii iz sovetsskikh lagerej v period Vtoroj mirovoj vojny (na primere lagerja N 188, stancija Rada, Tambovskaja oblast) ' in *Istoricheskaja pamjat i strategii rossijsko-nemeckogo mezhkulturnogo dialoga*, Ed. M. V. Kovalev, I. R. Pleve (Saratov, 2015).
- 13 Mizis Yu. A. 'Medicinskoe obsluzhivanie v lagerjakh voennoplennykh v gody Vtoroj mirovoj vojny (na primere lagerja N 188, stancija Rada pod Tambovom) ', *Vestnik Tambovskogo universiteta*, 2013, Iss. 8 (124).
- 14 Mizis Yu. A. 'Tambovskij speclager dlja «byvshikh voennosluzhashchikh» Krasnoj armii' in *Tambov v istoriko-kulturnoe nasledie goroda. Nauchno-prakticheskaja konferencija, posvjashhennaja godu kulturny v Tambovskoj oblasti* (Tambov, 2013).
- 15 Pisarev E. *Rada, Potma, tma GULAGa...* (Tambov, 1999).
- 16 Mizis Yu. A. 'Polskie voennoplennye v tambovsskikh lagerjakh' in *Poljaki v istorii rossijskoj provincii XIX–XX vv. Dialog civilizacij. Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. 18–20 May 2010* (Tambov, 2010).
- 17 Mizis Yu. A. 'Polskie voennoplennye v tambovsskikh lagerjakh v gody vtoroj mirovoj vojny' in *Wrogowie, sojusznicy, towarzysze broni Polsko-rosyjskie stosunki wojskowe w pierwszej polowie XX wieku*, Ed. Jakub Wojtkowiak (Poznan, 2013).
- 18 Mitschi Sh. *Tambov khronika plena. Vremja ispytanij, nadezhd i razocharovanij* (St. Petersburg, 2015).